
„Восхитилъ недарованное“.

(Разсказъ).

Священство въ православной церкви есть служеніе чрезвычайное. Оно есть удѣлъ немногихъ лицъ, пастырей церковныхъ, которыхъ Господь по преимуществу назначилъ „къ

совершенно святыхъ, въ дѣло служенія, въ созиданіе тѣла Христова, дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова“ (Еф. IV, 12—13). Поэтому въ православной греко-россійской церкви епископы и священники суть особенные, избранные по изволенію Св. Духа, руководители религиозно-нравственной жизни нашего православнаго народа вообще и, главнымъ образомъ, раздатели благодатныхъ даровъ Св. Духа. Вся благочестивая жизнь православнаго христіанина проходитъ подъ благодатнымъ воздействиемъ пастыря церкви. Пастырь церкви съ истинно-отеческою радостію привѣтствуетъ появленіе новаго человѣка на свѣтъ и чрезъ таинство крещенія вводитъ его въ союзъ со Христомъ и дѣлаетъ его членомъ православной церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ таинствѣ миропомазанія онъ сообщаетъ ему благодать Св. Духа и чрезъ это самое даетъ ему возможность укрѣпляться и усовершенствоваться въ христіанской жизни. Затѣмъ, во всѣхъ важнѣйшихъ моментахъ послѣдующей жизни новопросвѣщеннаго пастырь принимаетъ самое дѣятельное и сердечное участіе. Нужно ли ему очистить себя отъ бремени грѣховъ и укрѣпиться въ благодатной жизни, пастырь всякій разъ спѣшитъ чрезъ таинство покаянія очистить душу православнаго христіанина отъ неслосной грѣховной тяготы, ободрить ее словомъ милостиваго всепрощенія отъ имени Христа и подкрѣпить новыми благодатными силами чрезъ тѣснѣйшій союзъ ея со Христомъ въ таинствѣ евхаристіи. Вступаетъ ли православный христіанинъ въ предѣлы собственной семейной жизни и выбираетъ ли себѣ съ этою цѣлью подругу жизни, пастырь спѣшитъ заключить союзъ ихъ крѣпкими узами брака, благословляетъ ихъ и союзъ естественный обращаетъ въ союзъ благодатный. Спѣшитъ ли православный христіанинъ отъ бреннаго міра сего въ горнее отечество небесное, пастырь церкви—у его изголовья, онъ, быть можетъ, послѣдній разъ

именем Христа произносить всепрощающей судъ земному странствованію его, и, напутствуя его святыми дарами, привлекаетъ его опять въ союзъ со Христомъ, какъ распутнаго сына съ всепрощающимъ любвеобильнымъ отцомъ. Самыя тѣлесныя болѣзни, ихъ силу, сокрушающую земную жизнь человѣческую, пастырь церкви, этотъ искреннѣйшій сердечный другъ больного, вращуетъ въ таинствѣ елеосвященія, испрашивая ему у Господа какъ здравіе душевное, такъ и тѣлесное. Наконецъ, пастырь церкви воздастъ послѣдній христіанскій земной долгъ православному христіанину, совершая погребеніе надъ его бренными останками и сопровождая ихъ до могилы, предастъ ихъ землѣ. Но и послѣ смерти православнаго христіанина пастырь церкви не оставляетъ его въ своихъ молитвахъ, испрашиваетъ у Господа ему прощеніе грѣховъ и дарованіе царства небеснаго и совершаетъ за упокой души его безкровную жертву. И такъ близокъ пастырь къ каждому православному христіанину, такъ участливъ онъ во всей его религіозно нравственной жизни. Пастырь руководитъ самою совѣстью православнаго народа и совершаетъ надъ нею тотъ или иной судъ Дѣло пастыря поэтому есть дѣло великое и святое. Въ лицѣ апостоловъ и преемниковъ ихъ, епископовъ, пастырю церкви единственно дана Господомъ Иисусомъ Христомъ власть взыать и рѣшить грѣхи и ему только вручено спасеніе вѣрующихъ. Безъ пастыря ни одинъ христіанинъ не можетъ спастись. И вся православная церковь такъ вѣровала и вѣруетъ во вся времена и во всѣ вѣка. Но раскольники наши вотъ уже двѣсти слишкомъ лѣтъ идутъ вопреки этому общему вѣрованію православной церкви, они дерзновенно и самочинно вручаютъ въ настоящее время свое спасеніе своимъ наставникамъ, забывая, что „никтоже самъ себя приѣмлетъ честь (власть церковную), но званый отъ Бога, якоже и Ааронъ“ (Евр. V, 4) — и главное, забывая, что православная церковь неодолима, а полцота благодатныхъ таинствъ въ

ней неоскудѣваема, а потому „нѣсть законъ церкви скудное“ (Матейъ правильный). А наставники еще болѣе дерзновенно и на собственную погибель совершаютъ великое пастьрское дѣло святотатственной рукою, не внимая тому, что „восхищающіе не дарованная имъ раздражаютъ Бога, якоже сынове Кореевы, и Озія царь“ (Пр. св. ап. 2, Корм. гл. V, л. 1). Спрашивается, кто же далъ старообрядческимъ наставникамъ власть крестить, исповѣдывать, совершать браки, управлять общественнымъ молѣніемъ и руководить религиозно-нравственною жизнью общества—и въ этомъ отношеніи восхищать пастьрское дѣло?! „Еда вси апостоли, еда вси пророки, еда вси учителя“ (1 Кор. XXII, 29)? И что же можетъ сдѣлать званнй не отъ Бога для спасенія общества, когда онъ самъ принадлежитъ къ числу такихъ людей, кои, „развращая чинъ священнической, борятся съ великимъ Архиреемъ Христомъ.“ (То же пр. св. ап.), „о Немъ же имамы дерзновение и приведеніе въ надѣяніи вѣрою Его... и изъ Него же всяко отечество на небесѣхъ и на земли именуется“ (Еф. III, 12, 15).

Не говоря уже о Священномъ Писаніи и отеческихъ твореніяхъ, своего мнимаго права на церковную власть ни одинъ изъ старообрядческихъ наставниковъ не можетъ засвидѣтельствовать чѣмъ-либо чрезвычайнымъ и сверхестественнымъ на подобіе нетлѣнія мощей нашихъ святителей послѣ Никона, или, на примѣръ, какими-либо благодатными исцѣленіями въ родѣ тѣхъ, кои источаются отъ гробницы нашего святителя Тамбовскаго Питирима. Не только спасенія другихъ вѣрующихъ, но и собственнаго спасенія не могутъ достигнуть старообрядческіе наставники, потому что чрезъ нихъ не дѣйствуетъ благодать Св. Духа. И мы имѣемъ случай, не обинуясь съ очевидностью показать, какому страшному наказанію отъ Господа подлежатъ нѣкоторые изъ нихъ, даже на землѣ, за то, что они святотатственной рукою восхищаютъ недарованное имъ и тѣмъ самымъ раздражаютъ Господа

на свою собственную порибель. Пусть наглядно убѣдятся и старообрядцы и ихъ наставники, что иногда въ собственной земной своей жизни носятъ они вѣрное свидѣтельство того, что отдѣленіе ихъ отъ православной греко-россійской церкви и самочинное управление ихъ носить весьма сомнительный характеръ.

I.

Дѣло было очень недавно, всего пѣсколько лѣтъ назадъ.

Старець Кондратій былъ наставникомъ раскольниковъ нашего села Ш. Это былъ человекъ самый обыкновенный. Ума онъ былъ недалекаго, простой, обходительный и уживчивый съ другими. Къ овчинному промыслу, которымъ занимаются на сторонѣ наши крестьяне, онъ былъ мало способенъ и заработковъ со стороны приносилъ очень мало. Читалъ онъ очень плохо. Знаніями по Священному Писанію онъ вовсе не отличался, равно какъ весьма мало зналъ и старопечатныя книги, особенно любимыя старообрядцами. Протолировать что—либо въ свою пользу изъ книги, что особенно нравится раскольникамъ, онъ вовсе не умѣлъ. Будучи не способнымъ ко всякому другому дѣлу, онъ и наставникомъ былъ избранъ лишь по настоянію своей родной сестры. Вся его заслуга для раскольниковъ заключалась въ томъ, что онъ отличался слѣпою ненавистью къ православной церкви и православныхъ называлъ не иначе, какъ „Садомъ—Гаморра—еретики“. Онъ любилъ, чтобы его другіе превозносили за его усердное лицемѣрное моленье и отличался показною набожностью. Сначала Кондратій жилъ вмѣстѣ съ своими братьями. Семья ихъ была большая. Жили они богато и въ большомъ достаткѣ. Но такая дружная жизнь съ братьями продолжалась недолго. И вскорѣ послѣ того, какъ Кондратій сталъ наставникомъ, братья отдѣлились отъ него. Кондратій сталъ жить отдѣльно своей семьей, которая состояла изъ него, жены и трехъ сыновей. Дочь была отдана въ

замужество въ православную семью. Жили они пока еще въ достаткѣ. Старшій сынъ Григорій жилъ нѣкоторое время въ степи. Средній Василий былъ въ солдатахъ. Младшій Егоръ жилъ при отцѣ. Всѣ трое были женаты. Но недолго семейная жизнь Кондратія текла спокойно. Вскорѣ карающая рука Господня простерлась надъ домомъ Кондратія страшнымъ несчастіемъ, которое тяготѣло надъ нимъ во всю его земную жизнь. Средній сынъ Василий, вышедши изъ солдатъ, заболѣлъ: онъ незамѣтно больше и больше сталъ чахнуть и сохнуть. Имъ овладѣло уныніе и въ него вселился духъ нечистый, такъ что за послѣднее время его жизни къ нему никто не подходилъ, кромѣ жены. Жилъ онъ уже въ отдѣльной избѣ и за нимъ ухаживала только жена. Злой духъ и болѣзнь все болѣе и болѣе мучили его и въ конецъ надломили его здоровье. Онъ все хирѣлъ и хирѣлъ, весь высохъ — и умеръ. Вскорѣ послѣ брата сошла въ могилу дочь Кондратія, выданная за православнаго. Она умерла отъ простуды. Лежала больная у отца. Мужъ совсѣмъ и не видѣлъ ея послѣ заболѣванія. Кондратій сумѣлъ возвратить ее опять въ расколъ предъ смертью и похоронилъ ее самъ, но не на радость (по поводу возвращенія ея въ расколъ), потому что вскорѣ пришлось ему хоронить и старшаго сына. Старшій Григорій былъ умный и степенный сынъ у отца. И не успѣлъ отецъ оплакать сына Василія, какъ уже злой недугъ — чахотка подкралась къ цвѣтущему здоровью Григорія. И вотъ дни этого дорогого сына были сочтены. Болѣзнь подрѣзала его здоровье, и онъ сталъ быстро вянуть, какъ скошенный цвѣтокъ. Безсильно лежа на смертномъ одрѣ, слабый и изнемогающій, чувствуя холодную струю смерти и боясь суда Божія, онъ понялъ дѣйствительную причину своей, братниной и сестриной преждевременной смерти и открылъ давно лелѣянную въ своемъ сердцѣ мысль, быть можетъ даже скрываемуую имъ до удобнаго времени, мысль о неправильности и незаконности отдѣленія раскольниковъ отъ право-

славной церкви. Онъ искренно и убѣжденно говорилъ объ этомъ своему очерствѣлому отцу. „Отецъ, не за свое дѣло взялся ты!“ говорилъ онъ и старался убѣдить его въ свою сторону и въ пользу православной церкви. А самъ предъ смертью просилъ отца и родныхъ сходить за священникомъ и причастить его. Но закоснѣлый отецъ не слушалъ правдивыхъ убѣжденій умирающаго сына и считалъ его помѣшавшимся. Сынъ умеръ, не успѣвъ привести въ исполненіе давно затаенные имъ планы о соединеніи съ православною церковью. Съ грустью и тоскою похоронилъ отецъ и этого сына и думалъ, быть можетъ, что надъ нимъ не повторится больше несчастья, а кормильцемъ у него остался еще сынъ Егоръ, бывший въ то время въ солдатахъ, но послѣ Григорьевой смерти возвращенный со службы къ отцу. Отдѣлилъ Кондратій отъ себя своихъ двухъ вдовыхъ снохъ со внучатыми, а самъ выстроилъ себѣ новый домъ и зажилъ съ своимъ младшимъ сыномъ. Снова постигло несчастье старика: новый домъ скоро сгорѣлъ, погорѣло съ нимъ и много всякаго добра по хозяйству. Но это несчастье все не такъ было больно и чувствительно для старика, какъ смерть дѣтей. Построилъ себѣ Кондратій опять новый домъ, успокоился отъ несчастья и сталъ собирать въ отходъ на овчинный промыслъ своего надежду—сынка. Собралъ его рублей на 500 и болѣе. Деньги взялъ въ людяхъ. Но сынъ былъ плохой „правдитель“ отца. Не только не выручилъ онъ на сторонѣ денегъ, взятыхъ въ долгъ, но и тамъ еще задолжалъ болѣе 500 рублей. Такимъ образомъ на Кондратіѣ образовался крупный долгъ, особенно тяжелый для мужичка посредственнаго. И вотъ въ уплату долга пошелъ весь достаточный запасъ хлѣба, вся скотина и другое добро. Изъ болѣе и менѣе зажиточнаго Кондратія обратился въ бѣдняка. Плохая надежда была уже на сына. Горе донимало старика, хотя и крѣпился онъ. Но не по силамъ было такое несчастье женѣ Кондратія, страдавшей давно ракомъ подъ гла-

зомъ. Затужилась, загоревалась она. Въ концѣ страдной поры какъ-то, вдругъ пошла у ней изъ горла кровь—не то, чтобы отъ работы, а такъ неизвестно почему. Послѣ этого немного похворала она и оставила Кондратія одного маяться въ несчастной для него доли земной. Остался Кондратій одинъ съ сыномъ Егоромъ. Но сынъ не отѣшалъ отца, а лишь приносилъ ему безутѣшное горе. Онъ оставилъ отца и ушелъ отъ него въ степь, гдѣ проводилъ распутную жизнь, пьянствовалъ и уже до самой смерти отцовской не приходилъ на родину, не смотря на то, что отецъ при жизни много разъ звалъ его къ себѣ. Восемь лѣтъ жилъ Кондратій послѣ смерти жены. Но что это была за жизнь?! Онъ не носилъ только имени ницаго, но были имъ на самомъ дѣлѣ. Добрые люди кормили его: кто обѣдомъ, кто ужиномъ, а кто и другимъ чѣмъ либо. Недаромъ говорили про него, хотя не укоризненно, что „онъ много чужого добра поѣлъ“. Въ годъ смерти съ нимъ сдѣлались частые припадки. Умеръ онъ почти внезапно, послѣ сильнаго припадка. Едва успѣли его омыть, какъ тѣло стало пухнуть, налилось точно водой и быстро начало растлѣвать и разрушаться. Изъ рта постоянно извергалось какое-то вонючее, отвратительное вещество, смѣшанное съ кровью, чего ни съ однимъ умершимъ не приходилось ни разу видѣть никому на селѣ. Омерзительный запахъ удалилъ всѣхъ отъ умершаго. По немъ не читали даже, какъ слѣдуетъ, и псалтири. Всѣ толковали, судили, рядили, а добрымъ словомъ и молитвой едва-ли кто и помянулъ. Часа черезъ три или немного болѣе послѣ смерти собрались и хоронить его. „Едва уже могли уложить тѣло въ гробъ, такъ оно сдѣлалось сразу „гнилымъ““. „Если бы мы оставили его до слѣдующаго дня, то, кажись, не собрали бы и струщевъ его“, такъ говорили сами раскольники.

II.

Похоронили раскольники своего наставника и забыли о немъ, пока онъ самъ не напомнилъ о себѣ нѣкоторымъ

во снѣ. Такъ забыли раскольники Кондратія, что не одинъ изъ нихъ и не подумалъ, чтобы означало то, что вся его жизнь была однимъ горькимъ несчастіемъ, а „смерть была люта“. Къ несчастію, никто не подумалъ, что все случившееся съ нимъ въ жизни было знаменіемъ страшнаго гнѣва Божія за то, что онъ расхитилъ и распудилъ овцы, былъ „прелазаяй инуде“, самъ навлекъ на себя вѣчную погибель и другихъ не отвлекъ отъ этой горькой участи. Истинно что „мужъ безуменъ не познаетъ, и не разумиетъ не разумѣетъ сихъ“ (Пс. 91, 7). Я сказалъ уже, что самъ Кондратій напомнилъ о себѣ своимъ единомысленникамъ, но странное и, можно сказать, ужасное это было напоминаніе во снѣ. Многіе видѣли его во снѣ во власти злыхъ духовъ, мучились съ нимъ вмѣстѣ и послѣ долго—долго боялись его по ночамъ, а нѣкоторые, услышавъ объ этомъ, боялись вспоминать и говорить о немъ днемъ, словно онъ самъ, на самомъ дѣлѣ, былъ духомъ нечистымъ. Я не сталъ бы и говорить о снахъ, если бы они не были характерны и волей-неволей не заставляли заключать съ потрясающею очевидностью о судьбѣ Кондратія. И изъ всѣхъ сновъ я выбралъ самый характерный и достовѣрный, слышанный мною изъ устъ бывшей раскольницы. Какъ увидятъ читатели, этотъ сонъ удивительнымъ образомъ связанъ съ послѣдующей судьбою правдивой и откровенной расказицы. Бывшей раскольницѣ грезилося, будто она въ собственномъ Кондратьевомъ домѣ видитъ его лежащимъ на кровати съ закрытыми глазами, окруженнымъ множествомъ злыхъ духовъ, которые дѣлами съ нимъ, что хотѣли. Раскольницѣ сдѣлалось до того страшно, что она хотѣла бѣжать, но ноги у нея отнялись, хотѣла кричать, голосу не было. Она обезсилѣла отъ страха. Наконецъ, ей удалось кое-какъ выбраться въ сѣни. Она пустилась бѣжать. Но вдругъ, стремглавъ, выбѣгаетъ за ней самъ Кондратій, отрываетъ отъ своей руки клокъ краснаго—краснаго мяса, бросаетъ его въ раскольницу. Мясо пристало

къ ея рукѣ, она боится, дрожить, но ей все-таки, хотя и съ усиліемъ, удалось оторвать его и снова бросить въ бывшаго наставника. Она бросилась убѣгать отъ него. Сонъ кончился, и бывшая раскольница проснулась страшно взволнованная.

По смыслу сна ей дѣйствительно удалось оторвать это отвратительное мясо наставника—расколь и перейти въ православіе.

III.

„О мертвыхъ—или хорошо, или ничего“ (de mortuis-aute bene, aut nihil), быть можетъ, скажутъ намъ. Но, во-первыхъ—не о всѣхъ.... А, во-вторыхъ, мы и не судимъ, а передаемъ лишь одни факты, руководясь единственно голосомъ правды и свѣтомъ высочайшей истины и любви и представляя каждому христіанину свободное право оцѣнить самимъ все сказанное. Съ своей стороны повторимъ лишь въ заключеніе слова старшаго сына Кондратія, что онъ „не за свое дѣло взялся“, развратилъ чинъ священническій и раздражилъ Господа Бога. Мы не судимъ характеръ покойника, не говоримъ, что онъ былъ какой-нибудь особенно плохой жизни. Если, какъ человекъ, онъ былъ хорошій, то намъ жаль, что онъ все трудился во всю свою жизнь, жаль его, какъ жаль и всѣхъ раскольниковъ, погибающихъ и погибшихъ подобно ему. Мы говоримъ лишь о томъ, что за самоправное восхищеніе чина, недарованнаго ему, Кондратій еще въ земной жизни былъ строго наказанъ Господомъ,—и тѣмъ болѣе, значить, ждетъ его и его единомысленниковъ, дерзновенно отдѣлившихся отъ православной церкви и самочинно составившихъ свое общество мнимо святыхъ и праведныхъ, грозный судъ Божій за гробомъ. Изъ библейской исторіи мы знаемъ примѣры грознаго наказанія за святотатство еще на землѣ. На этомъ основаніи утверждаемъ и мы такое же наказаніе и Кондратія на землѣ, руководясь безпристрастнымъ голосомъ правды и совѣсти. На жизни и смерти Кондратія ле-

жить страшная печать, сдѣланная вѣдь не брэнною рукою
человѣческой, но грозною и карающею десницею Всевыш-
няго. И кто можетъ отвергнуть ее, сказать, что нѣтъ,—это
не рука Господня, а простое и обыкновенное явленіе среди
смертныхъ?!.. Для единомысленниковъ же Кондратія изъ всего
сказаннаго о немъ слѣдуетъ естественный и вѣрнѣйшій вы-
водъ, что отдѣленіе ихъ отъ православной церкви—дѣло без-
законное, а самочиніе ихъ есть, „мерзость Господеви“.

С. Н. Р.